В.Л. Цымбурский

«После аутодафе октября 1993 года вопрос о покаянии России должен быть снят»

Клуб «Свободное слово» в 1990-х и 2000-х годах был местом постоянных встреч представителей московской интеллигенции – прежде всего той, что поддержала горбачевскую «перестройку» и с большим сомнением, если не враждебностью, встретила приход ельцинизма и экономическую реформу Гайдара. На всех заседаниях клуба, которые в 1990-х проходили в помещении Союза кинематографистов, председательствовал его основатель – философ Валентин Толстых. Здесь часто можно было услышать выступления философов Абдусалама Гусейнова, Вадима Межуева, Эрика Соловьева, Юрия Бородая, Карла Кантора, Григория Померанца, историков Владлена Логинова и Владлена Сироткина, политологов Андраника Миграняна, Игоря Клямкина, Леонида Полякова и многих других. Материалы заседаний публиковались первоначально в распространяемых в узком кругу ротапринтных сборниках, которые сегодня труднодоступны для исследователя и являются библиографической редкостью.

Републикуемый текст Вадима Цымбурского, по-видимому, представляет собой сокращенную версию его самого первого выступления в клубе на заседании 29 ноября 1993 года «Интеллигенция во времена кризисов и катастроф (логика гражданского поведения)». Все участники сосредоточились на обсуждении публичного поведения интеллигенции в период событий октября 1993 года. Подхватывая эту тему, Цымбурский представил свою концепцию интеллигенции, основанную на социологии Толкотта Парсонса. Согласно этой концепции, русский интеллигент претендовал на выполнение сразу двух функций: культурной и политической. Согласно Цымбурскому, интеллигент – это человек культуры, от имени культуры занимающийся политическим целеполаганием, противопоставляя себя правящей бюрократии, функцией которой является снятие напряжений внутри социума.

Выступление Цымбурского прозвучало непосредственно после публикации его основного геополитического труда «Остров Россия» в № 5 журнала «Полис» («Политические исследования»), и эта статья сразу же сделала имя ученого известным в той среде, которая составляла основную аудиторию клуба «Свободное слово»: не артикулированные ссылки на «островной» текст явно присутствуют в этой речи, полемически обращенной против представителей интеллигенции, которые хотели сохранить за ней какую-то общественно-значимую роль, несмотря на позор «черного октября» 1993 года. Хотелось бы отметить, что полный текст речи в клубе – с прямыми отсылками к теории Парсонса и геополитике «Острова России» – был опубликован первоначально в ротапринтном сборнике «Свободного слова», однако в 2014 году нам, увы, не удалось обнаружить ни одного его экземпляра. Поэтому сегодня мы вынуждены довольствоваться сокращенным вариантом этого выступления, приведенном в изданном Петром Щедровицким в 1996 году сборнике материалов клуба (Свободное слово: Интеллектуальная хроника десятилетия / Редакторы-

составители А.А. Гусейнов, В.М. Межуев, В.И. Толстых. М.: Школа культурной политики, 1996. С. 333–334).

* * *

Интеллигент – явление синкретизма культуротворческой и политической функций. Это тот случай, когда в формах активности одного и того же социального слоя осуществляется «склеивание» функции воспроизводства культуры, поддержания непрерывности в существовании данного общества и функции «гонки» престижных политических целей. Интеллигент по определению столь же «хомо политиканус», как и «хомо культуралис». В чем это реально выражается? Когда мы говорим о том, что интеллигент почти всегда в оппозиции властям; что он – тот, чье сердце уязвлено несправедливостями мира; что им можно быть, только заступаясь за униженных и оскорбленных, – мы тем самым утверждаем простую и однако же парадоксальную вещь: в контексте *нашей* общественной системы творцом культуры является человек, причастный к зарождению и эскалации престижных политических целей. Мы мало поймем в феномене «великой русской классической культуры», если при рассмотрении ее динамики не примем в расчет структурно-функционального назначения этой культуры: быть питомником политического неформалитета, играющего в этом обществе роль то «второго», теневого, то основного, «первого», истеблишмента.

В каком же положении наша интеллигенция оказывается сейчас, когда ясно, что Россия в мировое цивилизованное сообщество «не влазит» по экономическим, культурным, социально-психологическим и иным причинам и основаниям? У интеллигенции, пока она еще намерена цепляться за Россию, остается два пути. Первый – разогревать кризисность, подыскивая президенту все новых недругов и подталкивая его к борьбе до победы, т.е. до непристойных карикатур на 37-й год. Второй путь, продемонстрированный здесь Г.С. Померанцем, – игра на мотивах вроде «чрезвычайно сложного времени», необходимости, постреляв, покаяться, а покаявшись, пострелять и т.п. В этом случае трудно увидеть что-то иное, нежели полную моральную капитуляцию, сознательное предпочтение «своего» победителя. После аутодафе 3 и 4 октября, после расстрелов 5-го всякий вопрос о покаянии России должен быть снят. Сейчас выбор между покаянием и пребыванием под проклятием стоит перед теми, кто звал нас к покаянию с 87-го.

Проект, во имя которого выступала интеллигенция последние годы, обессмыслен, фрустрирован, исчерпан. По-настоящему происходит вот что. С крушением «августовских» идеалов интеллигенция перестает выполнять свое структурно-функциональное назначение в российском обществе культурнически и политически активированного слоя. Да, будут морально кредитоваться врачи, учителя, библиотекари. Но не будут кредитоваться люди, у которых душа уязвлена страданиями человечества, которые зовут массы и зовут к улучшению мира.

Интеллигент, скатившись до роли мелкотравчатого подстрекателя, перестает котироваться как «хомо политиканус». Зато резко изменяется целостность ранее ему противостоявшей интегративной системы власти. Реорганизуется геополитическая структура страны, активизируются местные администрации. Вопреки тому, что говорится о распаде России вслед СССР, я не вижу возможности такого распада. Напомню только об одном обстоятельстве: в начале октября многие Советы субъектов Федерации, многие главы национальных республик были на стороне Верховного Совета? Почему в это время не раздались сепаратистские голоса, не было призывов к выходу, к обособлению от «обезумевшей Москвы», почему развитие событий принципиально отличалось от того, что мы видели в 1991 году?

Я не думаю, что интеллигенция в ее традиционном виде найдет себе место в новых структурно-функциональных образованиях. Может быть, лучшим вариантом для интеллигенции, шагавшей в 1991 году под лозунгами «Горбачев, уходи!», «Горбачев, не завидуй нашей любви к Ельцину», будет пойти по стопам эмигрантов первой и третьей волны: без специальных репрессий и «философских пароходов», просто видя фрустрацию своих ожиданий, она кинется за пределы России, не оправдавшей надежд на вхождение в «мировую симфонию», и огромным «выбросом России» будет раскидана на пространстве от Оксфорда до израильских судомоен…

Я допускаю и такое. Общество, как и природа, не терпит пустоты: этот отток компенсируется молодыми и свежими, кои радостно займут эти места, вселятся в чужие квартиры, получат кучу новых прописок, должностей и окладов, сменят отхлынувших в библиотеках, лабораториях, на страницах журналов и в планах издательств. Но это уже едва ли будут интеллигенты: в лучшем случае это будут интеллектуалы, эксперты, консультанты там, где в них будут нуждаться люди управления, политики, экономики. У этих людей культуры будет свой интеллигентский долг: забота о духовном снятии возникающих напряжений, и через это – истовое обеспечение непрерывности существования, при всех переменах общества, России.